

Татьяна Журженко «Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины». Статья опубликована в сборнике «Семейные узы: модели для сборки» (ред. С. Ушакин ред. М., НЛО, 2004).

ТАТЬЯНА ЖУРЖЕНКО

СТАРАЯ ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ СЕМЬИ: *демографический национализм России и Украины*

В большинстве посткоммунистических стран политические и экономические трансформации 90-х годов в той или иной степени сопровождались возрождением традиционалистских ценностей и серьезными изменениями в официальной идеологии семьи и семейной политики. Украина не стала в данном случае исключением. В средствах массовой информации, в политических и академических дискуссиях, даже в документах женского движения подчеркивается возрастание социальной значимости традиционных женских ролей жены и матери, возвращение мужчине экономической ответственности за обеспечение семьи, важная роль "традиционно крепкой" украинской семьи в процессах консолидации и возрождения нации, значение женской репродуктивной функции для усиления позиций украинского этноса. Возврат к традиционной семье рассматривается как одна из стратегий "обновления" общества и избавления от коммунистического тоталитарного наследия. При этом под "традиционной семьей" понимается нечто среднее между идеализированной украинской семьей досоветского прошлого и образцовой семьей американского среднего класса 50-х годов. Идеализация "традиционной семьи" предполагает дистанцирование от коммунистического опыта, навязанного государством формального эгалитаризма и возврат к "естественным" гендерным ролям. В этой статье рассмотрена постсоветская идеология семьи и ее проявления в различных типах дискурса, главным образом на примере Украины; сравнительный анализ позволяет сформулировать общие черты и особенности российского и украинского неотрадиционализма.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Первые признаки смены господствующей идеологии в отношении семьи, роли женщины в обществе и участия государства в процессах социального воспроизводства наметились в СССР в начале 80-х годов. Неуклонное снижение рождаемости (особенно в европейской части страны) заставило правительство принять комплекс мер, нацеленных на расширение льгот работающим матерям, удлинение отпусков по уходу за ребенком. Новые льготы и пособия были направлены, в частности, на поощрение семьи к рождению третьего ребенка; такая политика неизбежно предполагала ограничение производственной нагрузки женщин в пользу семейных обязанностей. Журналисты, социологи и экономисты впервые публично поставили вопрос о чрезмерной перегруженности женщин, совмещающих семейную роль с производственной, о необходимости предоставления женщине свободы выбора между профессиональной карьерой и семьей. Одним из путей обеспечения этой свободы виделся переход от двухдоходной к однодоходной семье, т.е. повышение заработной платы мужчин с тем, чтобы он мог выполнять роль "кормильца". Собственно, одним из аргументов в пользу экономических реформ было повышение доходов семей, которое облегчило бы женщинам двойное бремя производственной и бытовой нагрузки. Кроме того, в прессе и в социологической публицистике заговорили об отсутствии отца в семье, о кризисе маскулинности, о недостатках материнского воспитания, даже о матриархатности современной семьи. Эти изменения были не просто реакцией на официальную идеологию эгалитаризма и проявлением подспудных тенденций "ренессанса патриархата", и ранее присутствовавшего на уровне массового сознания. Они отражали кризис социалистического "государства благосостояния", завуалированное признание социальной неэффективности проводимой им семейной политики и попытки вернуть семье ее экономические полномочия и ответственность за воспитание детей.

С распадом советской системы и отказом от официальной коммунистической доктрины смена идеологии в отношении семьи приобрела радикальный характер. Советские достижения в области гендерного равенства утратили свою легитимность вместе с окончательным крахом коммунистического проекта. Как в России, так и на Украине феминизм практически не вышел за рамки элитарных интеллектуальных кругов и в качестве массовой идеологии оказался недостаточно влиятельным, чтобы обеспечить эту легитимность на новой основе. Только часть женских организаций отдала приоритет гендерному равенству перед "защитой семьи". Пожалуй, заметным фактором модернизации гендерной идеологии в постсоветских обществах стали западные идеи

демократии и прав человека, репрезентируемые в деятельности международных организаций, благотворительных фондов, в иницируемых Западом образовательных и научных проектах. Однако "анти-западный" вектор массового сознания, особенно к концу 90-х годов, оказался значительно сильнее. Практически единственным оправданием принципов гендерного эгалитаризма стала экономическая реальность: даже в период промышленного спада и роста безработицы женщины оставались важнейшим ресурсом рабочей силы, а для большинства семей их заработок был необходимым, и часто решающим вкладом в домашний бюджет. Однако эта реальность обычно интерпретировалась как результат экономического кризиса или наследие коммунистической системы, как явление, нежелательное в принципе. По сути, постсоветский традиционализм (в его различных вариациях) стал господствующей формой гендерной идеологии в переходном обществе. Он находит проявление как в публичном, так и в академическом дискурсе, и имеет ряд существенных характеристик, общих как для Украины, так и для России.

Во-первых, это абсолютизация семьи как одной из высших социальных ценностей, идеализация этого социального института, и ее идеализация как формы социальной связи между людьми, однозначное противопоставление семьи как социальной нормы девиантным "несемейным" формам организации жизни, "осколочным семьям". Приведем характерную цитату российских социологов А.И. Антонова и В.М. Медкова:

Нет ни одного индикатора социальной жизни, где бы члены счастливых семей не обнаруживали свое преимущество перед одиночками-холостяками, на которых распространяется почти вся социальная патология, весь негатив так называемой моральной статистики... Известно, что разводимость в семьях с несколькими детьми в несколько раз меньше, чем в двухдетных и однодетных семьях, и что, наоборот, в малодетных семьях вероятность заболеваний репродуктивной сферы выше, чем в семьях с тремя и более детьми. То же самое относится и к средней продолжительности жизни, причем если сравнивать продолжительность жизни мужчин и женщин без учета семейности, то и тогда большая идентификация женщины с ребенком и с семьей в силу ее функции материнства удлиняет срок жизни женщин в сравнении с мужчинами на несколько лет. (Антонов и Медков 1996, 117)

Тем самым семья приобретает статус морального абсолюта: все, что исходит от семьи, по определению является позитивным, все негативные явления связаны с внешними воздействиями на семью со стороны общества и государства. Кризис семьи как социального института (снижение рождаемости и уменьшение количества заключаемых браков, рост числа разводов, распространение неполных семей и внебрачных форм сожительства) рассматривается с этой точки зрения как кризис всего общества и, более того, цивилизационный кризис. Возврат к семейным ценностям, семейному укладу, семейному воспитанию, семейному производству видится поэтому как магистральный путь решения проблем переходного общества.

Во-вторых, все формы постсоветского традиционализма характеризует резко негативное отношение к практике и результатам советской семейной и гендерной политики. Как пишет украинский социолог Ю.М. Якубова,

деформация функций семьи в последние десятилетия..., лишение семьи частной собственности, средств производства и возможностей свободной реализации продукции..., пролетаризация населения... особенно сказались на воспитательной функции, что проявилось в отчуждении отцов и детей, национальном нигилизме, духовном обнищании молодежи, утрате высоких идеалов украинской семейной педагогики. (Якубова 1998, 33)

По словам Ю.А. Гаспаряна, "причина нынешнего кризиса семьи - в систематическом, последовательном и целенаправленном отстранении семьи от воспитания детей с целью передачи их в руки общества, для формирования из них так называемого "нового" советского человека". (Гаспарян 1999, 8) Антонов и Медков делают акцент на "суперэтизации семьи":

"естественный" процесс трансформации семьи, процесс "перехвата" ее социальных функций другими институтами, процесс вытягивания из семьи на арену рыночной экономики практически всех ее членов одного за другим был насильственно ускорен и стимулирован всей мощью тоталитарного государства", более того, "семейные функции "перехватывались" именно государством или его органами, а не какими-то иными социальными институтами. (Антонов и Медков 1996, 242-243)

Разрушение государством экономической автономии семьи имело, по их мнению, нравственные последствия:

"совковость", о которой часто говорят, в большой мере сформирована тем иждивенчеством-потребительством, которое вырастает на почве наемничества, батрачества-холуйства и имитации вкальвания во внесемейном производстве, т.е. не на себя, а на нечто отчужденное. ...Монополизация

государством народного хозяйства ставит всех членов семей... в положение просителей милостей у чиновников госучреждений. (Антонов и Медков 1996, 140)

Разрушение моральной автономии семьи - замена семейной социализации внесемейной (Антонов и Медков 1996, 138) (в находящихся под контролем государства детских коллективах), расщепление единого прежде авторитета семьи на часто противоречащие друг другу авторитеты матери и отца создали источник постоянных конфликтов, породили детскую преступность и другие молодежные проблемы.

В-третьих, постсоветский традиционализм характеризует фактическое сведение семьи к репродуктивной функции, к задачам деторождения и социализации детей. Отношения супругов рассматриваются как производная от их функции родительства, семья без детей некоторыми социологами даже не рассматривается как семья (а только как "семейная группа"). Естественно, что получившая широкое распространение малодетная (и, в особенности, однодетная) семья оценивается как крайне негативное явление как на макро-, так и на микроуровне. С точки зрения общества, это означает тревожную тенденцию к снижению рождаемости и депопуляцию. С точки зрения семьи, - ухудшение возможностей воспитания ребенка:

массовая однодетность семьи, свидетельствующая об элиминировании стадии репродуктивного родительства и преобладании "контрацептивно-абортного" родительства, привязывает семейную социализацию к этапам взросления единственного ребенка и сводит ее к монополии наставничества родителей при отсутствии социализации в группе братьев-сестер. (Антонов и Медков 1996, 123)

Соответственно предлагаемые меры по выходу из кризиса семьи сводятся если не к пропаганде многодетности, то к мерам, направленным на "повышение потребности в детях". (*Кризис семьи...* 1999, 50-57) В качестве социального идеала традиционалистами предлагается только один тип семьи: с двумя родителями и как минимум тремя-четырьмя детьми, используемые модернистами понятия альтернативной семьи, альтернативного брака ими решительно отвергаются.

В-четвертых, возрождение моральной и экономической автономии семьи, ее достоинства и высокого статуса в глазах общества требует, по мнению традиционалистов, восстановления и расширения ее производственной функции. Современная модель семьи связана с разделением дома и работы, с системой наемного труда и преобладанием потребительской функции. Даже в развитых странах это приводит к возрастанию зависимости семьи от рынка товаров и услуг и от поддержки государства. Утрачивается семейная целостность, связь между членами семьи, определяемая совместной деятельностью, и общностью целей и делающая естественное неравенство по полу и возрасту оправданным. "Профессиональная занятость членов семьи вне дома превращает эти редуцированные семейные роли и потребности в 'бремя'". (Антонов и Медков 1996, 135) В условиях социализма эти тенденции были усилены отменой частной собственности как базы семейного производства и наследования и резким возрастанием роли государства в экономике в целом, в сфере услуг и организации быта, в воспитании детей. Поэтому возвращение к семейному производству позволит не только избежать унижительной зависимости семьи от государства и обеспечить себя необходимыми ресурсами, но и создаст условия для возрождения семейного авторитета и семейного воспитания.

В-пятых, не случайно в эпицентре традиционалистской критики советского опыта оказались гендерные отношения в семье, а точнее, нарушение "естественного" разделения ролей, обязанностей и полномочий. Вот как эмоционально описывает эту тенденцию Ю.А.Гаспарян:

Женщина-мать, массово вовлеченная в работу общественного производства, перестала дарить своему ребенку материнскую ласку, которая столь необходима в первые годы жизни и, по существу, перестала быть ему матерью. Она покинула семейный очаг, поддержание которого изначально было ее долгом. (Гаспарян 1999, 10)

"Мужчину это обрекало на постепенное освоение женских ролей: стирать, убирать и... брать "отпуск по уходу за ребенком", и, как результат, - постепенная девальвация его значимости не только в семье, но и в обществе". (Гаспарян 1999, 61) По мнению Антонова и Медкова, первопричина этих негативных тенденций - индустриализация и вовлечение женщин в производство:

Взамен взаимно дополняющих друг друга ролей матери и отца в системе семейного производства, взамен единства родительского авторитета и единства родительского влияния на детей и подростков, занятость женщин, понижающая уровень оплаты труда мужчин, привела к конкуренции мужей и жен на рынке труда. Подобная конфликтность не могла не сказаться и на семейных отношениях отцов и матерей, что, собственно говоря, и является причиной роста разводов. Но форма этого конфликта была перенесена с проблем внесемейной занятости на проблемы распределения домашних обязанностей

мужей и жен. В рамках нуклеарной семьи общий семейный авторитет был раздроблен на два родительских авторитета, находящихся в противостоянии. Более того, произошло снижение авторитета отца и усиление авторитета матери. (Антонов и Медков 1996, 142)

Исчезновение мужских видов домашнего труда в условиях урбанизации привело к возрастанию роли и влияния женщины в семье (вплоть до "матриархата"), а государственные льготы работающим женщинам содействовали его закреплению. Таким образом, очевиден дисбаланс ролей и обязанностей мужчины и женщины в семье, связанный с нарушением основного принципа семейного единства - взаимодополняемости. Самой большой ошибкой, по мнению традиционалистов, является перенесение принципов "демократии" (равенство, права человека) на внутрисемейные отношения, принципиально предполагающие неравенство, связанное с полом и возрастом его членов - неравенство, которое снимается в понятии семьи как целостной и гармоничной общности.

Наконец, **в-шестых**, показательной является позиция традиционалистов в отношении семейной политики. В отличие от "модернистов", формулирующих подходы в семейной политике с позиций интересов личности (например, феминистки акцентируют внимание на обеспечении репродуктивных прав, расширяющих для женщин возможности выбора), традиционалисты определяют приоритеты семейной политики коллективными интересами семьи как не дифференцируемой общности. Соответственно, их отношение к проблеме репродуктивных прав колеблется от равнодушного - к резко враждебному. При этом традиционалисты игнорируют разнообразие типов и моделей семьи, а также существование противоречивых интересов внутри нее. Критикуя суперэтатизм советской системы, они, тем не менее, отстаивают активную позицию государства в сфере семьи, рассматривая в качестве программы максимум "просемейную реформу общества". По словам Антонова и Медкова, семейная политика - это политика, ориентированная на "возрождение семьи, семейного образа жизни, утраченного на длительном историческом пути фамилистической культуры общества", "на изменение всего строя современной цивилизации, по существу антисемейной, враждебной семье, невосприимчивой к ее проблемам и болезням" (Антонов и Медков 1996, 246). Провозглашая принцип суверенности семьи ("семья независима от государства и имеет право принимать любые решения, касающиеся ее жизни, совершенно самостоятельно", "право семьи на любой тип семейного поведения и на любой образ и стиль жизни") (Антонов и Медков 1996, 249), эти авторы одновременно настаивают на том, что государство должно защищать свои предпочтения в отношении типа и формы семьи. Семейная политика должна быть направлена на поддержку только одного социально-желательного типа (семья из двух родителей и трех и более детей) и быть нейтральной по отношению к остальным.

Конечно, степень и формы проявления неотрадиционализма могут быть различными. Крайние традиционалисты пропагандируют многодетность и склоняются к силовым методам регулирования, вплоть до ограничения права на аборт. Более умеренные рассматривают семью как важнейший институт, обеспечивающий адаптацию индивида к деструктивным и стрессовым последствиям социальных трансформаций, а семейное производство - как важный ресурс повышения благосостояния населения. Этот второй, более прагматический подход также должен быть отнесен к традиционализму, хотя в данном случае семье отводится скорее вспомогательная, компенсационная функция. Он предполагает, явно или неявно, сохранение традиционного разделения гендерных ролей (от которого семьи вынуждены отказываться только в силу экономических обстоятельств), а также возвращение семье производственной и воспитательной функций в возможно большем объеме. В Польше неотрадиционалистская реакция проявилась в попытках ограничения права на аборт, в России яростная дискуссия завязалась по поводу целесообразности школьных курсов по сексуальному воспитанию.

По нашему мнению, постсоветский традиционализм представляет собой реакцию не только на социалистический опыт огосударствления семьи и принудительного эгалитаризма, но и на последствия модернизационных процессов в целом. Ренессанс традиционализма является поэтому неизбежным спутником поиска постсоветскими странами новых путей и моделей продолжения модернизации. Традиционалистская реакция на модернизацию общества и, в частности, семейной сферы, по своим проявлениям аналогична в капиталистических и социалистических, "западных" и "восточных" обществах.

Один из аргументов в пользу этого тезиса - существование "советского традиционализма". Еще в 60-70-е годы некоторые социологи и публицисты оценивали тенденции к снижению рождаемости и брачности, рост разводов и неполных семей как проявления "кризиса семьи". Не ставя под сомнение правильность советской семейной политики в целом, они подвергли критике эти

тенденции скорее с моральных позиций. Так, например, А.Г.Харчев объяснял возрастание нестабильности браков нравственно-психологической неподготовленностью части молодежи к совместной жизни, снижением ответственности мужчин за судьбу создаваемой семьи, нежеланием супругов обзаводиться детьми. (Харчев 1964) Этот морализаторский дискурс не затрагивал основ "коммунистического проекта", более того, нарастающий консерватизм в отношении семьи и брака органично вписался в официальную идеологию. Российский демограф А.Вишневецкий связывает это с культурными традициями общинного уклада, все еще господствующими в массовом сознании:

Запрет аборт, ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, повышенное внимание к "моральному облику" при назначении на ответственные должности, вмешательство "общественности" в семейные дела, преувеличенное целомудрие официального искусства и многое другое хорошо вписывалось в традиционную систему представлений об идеальной, "добропорядочной" по деревенским меркам XIX века, семье и о методах социального контроля над нею. (Вишневецкий 1998, 136)

"Советский традиционализм" отражал, таким образом, "догоняющий" характер и незавершенность процессов модернизации.

Второй аргумент - сравнение постсоветского традиционализма с идеологией *New Familialism*, получившей распространение в некоторых западных странах в 80-е годы. В США его представители выступали с позиций коммунитаризма против утрированного либерального индивидуализма и его распространения на семейную сферу; в Великобритании *New Familialism* в значительной степени оказался направлен против социалистической идеологии и политики государства благосостояния. Однако главным оппонентом *New Familialism* на Западе были и остаются феминизм и женское движение. Именно их заслугой за последние десятилетия являются изменения отношений в семье в сторону большего гендерного равенства, а также рост терпимости общества к нетрадиционным семьям. Как отмечает Ю.Градскова, сравнивая "новую идеологию семьи" в России и США, защитники семьи в обеих странах провозглашают необходимость возвращения к традиционной структуре семьи, повышения ее социального престижа, укрепления семейных уз и усиления родительской ответственности. (Градскова 1997, 181-185) При этом нетрадиционная семья рассматривается как главный источник асоциального поведения молодежи. Сравнение показывает, что неотрадиционалистская реакция на последствия модернизации в семейной сфере развернулась параллельно в капиталистических и (пост)социалистических обществах и совпала не только по своим проявлениям, но и хронологически (с середины 80-х годов). Однако, по мнению Градсковой, сила влияния и последствия новой волны неотрадиционализма, скорее всего, будут различными в России и США. "Наличие в общественном мнении Америки консенсуса в отношении базовых принципов свободы личности и мощных феминистских организаций, представляющих собой сильное политическое лобби, способствует тому, что *New Familialism* не произведет революционных изменений в повседневной жизни значительной части американцев" (Градскова 1997, 183), но в России оно может привести к более глубоким и опасным последствиям. Являясь закономерной реакцией на тотальный контроль и вмешательство государства в жизнь семьи, *New Familialism* может привести к

максимальному обособлению частной жизни и минимизации общественного влияния на детей (вплоть до отказа посылать детей в школу и защиты исключительно домашнего воспитания) при полном отсутствии каких-либо попыток пересмотра традиционных гендерных стереотипов в отношении распределения домашней работы и воспитания детей. (Градскова 1997, 184)

Таким образом, до некоторой степени ренессанс традиционализма является общей тенденцией стран, столкнувшихся с противоречивыми последствиями процессов модернизации. Однако постсоветский традиционализм как спутник "догоняющей модернизации" имеет и свои существенные особенности: он апеллирует не только к "традиции", но и к "Западу", роль которого весьма амбивалентна в построениях традиционалистов. С одной стороны, "возвращение к традиционной семье" видится как движение к нормальному цивилизованному обществу, возвращение к естественному порядку, нарушенному коммунистической политикой разрушения семьи, с другой, - издержки западного феминизма, либерализация секса и легитимация гомосексуальных отношений подвергаются суровой критике. Если первая позиция была характерна для традиционалистов в начале реформ, то вторая - более распространена сегодня. Можно, пожалуй, сделать вывод, что в позициях постсоветского традиционализма произошел сдвиг от "антикоммунистической" к "антимодернистской" ориентации. То же касается и рынка: в начале реформ он рассматривался в русле общей "антикоммунистической" парадигмы как союзник семьи в процессе ее освобождения от диктата государства и обеспечения

"экономической независимости". Для про-рыночного традиционализма образцом для подражания была идеализированная западная семья, существующая, в основном, за счет независимых доходов ее главы. Позднее позиция традиционалистов стала в значительной степени "антирыночной", и критика оказалась обращена в основном против последствий рынка - социальной дифференциации и обнищания большинства семей, антисемейной направленности массовой культуры.

Возрастание влияния религии на массовое сознание, особенно очевидное в отношении семьи и брака, также является существенным фактором постсоветского традиционализма. Во многом это влияние является пока поверхностным и связано с возрождением церковных ритуалов венчания, крестин и пр. Насколько христианские ценности влияют на жизнь современной семьи - это вопрос, который требует специальных исследований. С одной стороны, секуляризация массового сознания, произошедшая за годы советской власти, вряд ли обратима. Однако сама православная религия (и официальная позиция церкви) является достаточно ортодоксальной в отношении проблем семьи, положения женщины и распределения гендерных ролей, она не испытала таких мощных модернизационных воздействий, как западное христианство. Большинство положений православной системы семейных ценностей (Форсова 1997) отвечает массовым стереотипам о мужчине-кормильце и женском терпении как основе семейного благополучия, широко распространенным, несмотря на наследие советского эгалитаризма. Однако возрастание роли религии в школьном и дошкольном воспитании может иметь в перспективе серьезные последствия, учитывая активную позицию представителей церкви и их союзников среди традиционалистов. Так, на всеукраинском конгрессе женщин в 1998 году прозвучали предложения о создании учебных программ, касающихся роли семьи в жизни человека и общества на основе "сотрудничества с традиционными на Украине христианскими церквями" (Жінка на порозі XXI... 1998, 97). С определенной точки зрения, пропаганду православных семейных ценностей можно рассматривать как позитивное явление для общества, оказавшегося в ценностном вакууме, однако нельзя не видеть в этом перспективу усиления морального осуждения любого поведения и стиля жизни, не вписывающегося в православную "норму". Как отмечает Ю.Градскова,

при отсутствии традиций и навыков развития гражданских ассоциаций, способных представлять интересы меньшинств (а именно к ним должны относиться матери-одиночки, разведенные и одинокие женщины, занимающиеся профессиональной деятельностью), женщины в целом будут испытывать более жесткий (как по сравнению с их прежним положением, так и по сравнению с мужчинами) моральный контроль со стороны общества. (Градскова 1997, 184)

Однако было бы упрощением утверждать, что неотрадиционализм однозначно предполагает возвращение к патриархальной (или традиционной) модели семьи. Идеалом постсоветских традиционалистов является, скорее, некий гибрид традиционной и детоцентристской семьи (если использовать классификацию С.И.Голода). Восстановление традиционных гендерных ролей является не столько самоцелью, сколько средством для достижения другой цели: обеспечения деторождения и надлежащей социализации детей в рамках семьи. В условиях индустриального общества восстановление патриархальной семьи является утопией: модернизация, во-первых, превратила процесс социализации детей в самостоятельную и крайне важную функцию семьи, а во-вторых, сделала неизбежной внесемейную социализацию. Поэтому, призывая семью сосредоточиться на задачах деторождения и социализации, неотрадиционалисты утверждают, в сущности, детоцентристскую модель. Однако в своих требованиях преодоления малодетности они не учитывают ограничения, заложенные в самой этой модели: даже в развитых западных странах возрастание "цены ребенка" (в сущности, издержек социализации) стало важнейшим фактором сокращения рождаемости.

Именно поэтому перспективы неотрадиционализма оказываются ограниченными, с одной стороны, неадекватностью патриархальной модели для нужд современного общества, а с другой стороны, - неоправданной идеализацией этой модели. Проведем еще одну параллель с западным неотрадиционализмом. Как показал Э.Гидденс, ностальгия по традиционной семье, свойственная неоконсерваторам, не учитывает целого ряда обстоятельств: неполные семьи были довольно частым явлением и в XIX веке в силу не только разводов, но смерти супруга; отношения в семье не были столь индивидуализированы, в основе их лежали отношения родства и экономические соображения, семья основывалась на гендерном неравенстве и отсутствии прав у женщин и детей, двойном моральном стандарте и многодетности как норме. (Giddens 1998, 91-92) По мнению Э.Гидденса, правые критики, говорящие о традиционной семье, в действительности имеют в виду не традиционную семью, а переходное состояние семьи в послевоенный период - (идеализированную)

семью 50-х годов. Традиционная семья к этому моменту практически исчезла, но женщины еще не вышли на рынок труда в массовом масштабе, и гендерное неравенство оставалось значительным. (Giddens 1998, 92) В нашем случае, учитывая историческую дистанцию, отделяющую идеализированную традиционную семью от современной, а также наследие "реального эгалитаризма" в постсоветских обществах, очевидно, что для реставрации традиционной семьи имеющихся социокультурных (и экономических) ресурсов явно недостаточно.

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ РОССИИ И УКРАИНЫ

Неотрадиционализм в бывших советских республиках приобретает сегодня особые оттенки, связанные с национальной, религиозной, геополитической спецификой. Он, безусловно, различается в России, в государствах Кавказа, в среднеазиатских республиках. Однако различия заметны и в отношении таких близких по своим культурным и религиозным традициям обществах, как Россия и Украина. Упрощая, можно было бы сказать, что российский неотрадиционалистский дискурс в большей мере определяется этатизмом и рационализмом, тогда как украинский - идеологией национализма и национальной мифологией.

Российские демографы и социологи традиционалистской ориентации обычно связывают "кризис семьи" с депопуляцией (уменьшением численности населения), т.е. кризис, с их точки зрения, проявляется, главным образом, в угнетении репродуктивной функции семьи. За разговорами о демографической катастрофе, крахе, опасности депопуляции отчетливо просматривается интерес государства, который отдельная личность или семья должны "осознать". "Мы должны просвещать население, убеждать, что самая высокая ценность - это человек, семья, дети", "добиться осознания значимости демографических процессов", "повысить престиж брачно-семейного образа жизни" - эти и подобные призывы звучали на заседании круглого стола по депопуляции. (Кризис семьи... 1999) В рамках этого типа дискурса снижение численности населения означает ослабление государства и его геополитических позиций. Кризис семьи, депопуляция и ослабление позиций российского государства оказываются связанными в одну причинно-следственную цепочку.

Так, О.Захарова и Л.Рыбаковский в статье *"Геополитические аспекты депопуляции в России"* (Захарова и Рыбаковский 1997) приводят две точки зрения на проблему депопуляции. Одна состоит в оценке депопуляции как достаточно нейтрального явления, возникновение которого представляет собой исключительно следствие объективного хода демографической эволюции. Она, по мнению авторов, рождена в недрах ООН и ориентирована на универсальные нужды стран, находящихся лишь на стадии демографического перехода. Этот подход в принципе не учитывает национально-государственные особенности (историю, традиции, менталитет) и, в частности, "особенностей демографического развития России, а тем более ее статуса, геополитического положения и интересов в мире в настоящем и будущем". (Захарова и Рыбаковский 1997, 49) Сторонники второй позиции, с которой солидаризируются авторы статьи, рассматривают депопуляцию как "долгосрочный кризис, чреватый угрозой этим геополитическим интересам, и считают недопустимым сокращение численности населения как стратегической линии демографического развития страны" (Захарова и Рыбаковский 1997, 48). Водораздел между этими позициями, как пронизательно отмечают авторы, в самом критерии оценки существующих демографических тенденций. Во втором случае "в качестве такового выступает не большая или меньшая степень соответствия мировым тенденциям демографического перехода, а совокупность геополитических интересов конкретной страны, осуществление которых тесно связано с ее демографическим благополучием". (Захарова и Рыбаковский 1997, 49) Поскольку "важнейшей стратегической задачей России, вытекающей из ее геополитического положения, является поддержание и упрочение статуса великой державы, унаследованного от СССР" (Захарова и Рыбаковский 1997), она должна ориентироваться на динамику численности населения в странах аналогичного с ней статуса (США, Великобритания, Франция, Китай), где в ближайшие десятилетия прогнозируется рост населения. По мнению авторов статьи, первоочередная задача возрождения экономического потенциала страны может быть решена при условии не только повышения качества, но и количественного роста населения. Другие геополитические приоритеты России - укрепление ее позиций в СНГ и в славянском мире - также во многом зависят от преодоления демографического кризиса.

Как подчеркивают авторы статьи, депопуляция - это этническая проблема, затрагивающая основной, государствообразующий этнос - русских (хотя некоторые другие народы России имеют аналогичные показатели воспроизводства). Прирост этнических русских за последние годы

обеспечивается их массовым миграционным притоком из ближнего зарубежья. Поэтому на фоне растущей концентрации русского этноса на территории России, в целом, на постсоветском пространстве численность русских сократилась, что, с точки зрения авторов, является фактором ослабления российского государства. Растущая иммиграция из центрально-азиатских и закавказских государств на фоне сокращения численности собственного населения "приведет к тому, что Россия в скором времени может оказаться перед лицом необратимых изменений этнического состава населения" (Захарова и Рыбаковский 1997, 51).

Ряд других факторов, по мнению авторов, связывает депопуляцию с государственными интересами России. Слабая заселенность и невозможность обеспечить достаточную плотность населения в приграничных районах обуславливает многочисленные территориальные претензии со стороны других государств на некоторые территории (Дальний Восток, Калининградская область). Кроме того, снижение рождаемости ведет к значительному сокращению численности призывных контингентов в условиях, когда Варшавский пакт перестал существовать, а НАТО усиленно приближается к границам России. И, наконец, проблема внешнего долга, унаследованного от СССР и существенно возросшего за годы реформ, также оказывается непосредственно связанной с депопуляцией. "Депопуляция приведет к тому, что сумма задолженности в расчете на душу населения страны будет неуклонно возрастать, что ляжет тяжким бременем на плечи будущих поколений". (Захарова и Рыбаковский 1997, 53)

Этот пример, как представляется, весьма характерен для российского неотрадиционалистского дискурса. Тема "повышения рождаемости" любыми средствами в интересах государства особенно популярна среди правозэкстремистских политиков. Но этатистский традиционализм характерен и для левых, хотя их позиция отличается ориентацией на государственную поддержку семьи и сохранение общедоступной системы образования и здравоохранения. "Старые левые" и их социалистический проект уже не обладают сегодня той энергией модернизации, которая способствовала преобразованию сферы семейного воспроизводства и женской эмансипации в первые послереволюционные годы. Учитывая глубокий кризис социалистических идей и относительную слабость русского национализма, этатизм становится сегодня наиболее влиятельной идеологией, оказывающей влияние на семейную и гендерную политику государства.

На Украине неотрадиционализм принимает несколько иные формы: он тесно связан с националистической идеологией и реконструкцией соответствующих культурных мифов, обосновывающих уникальность украинской нации, а также служит ее самоидентификации в отношении как Запада, так и России. Семья является важнейшим элементом национальной мифологии, поэтому неотрадиционалистский дискурс строится здесь по иным правилам, чем в России. Акцентирование символической связи между Нацией и Семьей играет в этом случае более важную роль, чем рационалистическая артикуляция интересов государства в "укреплении семьи". Хотя проблема депопуляции и обсуждается в работах украинских демографов, однако она редко увязывается с "кризисом семьи". Напротив, широко распространенным является утверждение, что украинскому народу присущи особые традиции семейности, особая семейная ментальность, что высокая брачность и рождаемость - это фундаментальные особенности украинского этноса. Утрата этих традиций - результат антинациональной политики советского государства (в интерпретации крайних националистов), либо следствие тяжелого экономического кризиса и резкого снижения уровня жизни семей (в интерпретации более умеренных). Украинские социологи, в отличие от российских, отмечают не кризис семьи, а, наоборот, высокий рейтинг семейных ценностей и семейного образа жизни среди приоритетных жизненных ориентиров. Как отмечалось в официальном ежегодном отчете о положении семей на Украине,

в условиях коренных изменений привычной социокультурной среды, конкурентных отношений на рынке труда и в профессиональной сфере возрастает потребность человека в семье, где можно получить эмоциональную поддержку и признание, совместными усилиями найти выход из экономических трудностей. (Про становище сімей... 1999, 53)

И она обладает всем необходимым для выполнения этой роли: "украинской семье издавна присущи активность, творчество, взаимопомощь, сохранение национальных традиций, межличностный характер внутрисемейного общения" (Про становище сімей... 1999, 55). По словам украинского демографа Л.Чуйко, "сбой" в адаптационном механизме брачности и структурные деформации этого процесса в кризисном социуме Украины не дают оснований для вывода о снижении ценности института брака и семьи в устоях жизни населения Украины. Тем более - об отмирании этих

институтов в их традиционном понимании или отказе от них. Об этом свидетельствует наследственность украинской брачно-семейной ментальности, население Украины в подавляющем большинстве проживает семьями, созданными на основе юридически оформленного брака". (Чуйко 1997, 127)

Таким образом, украинские семьи находятся в сложных экономических условиях, но речь о "кризисе семьи" не идет. Или, другими словами, украинская Семья - такой же абсолютом, как и украинская Нация. Поэтому решение проблем семьи увязывается с возрождением украинской нации и строительством независимого государства, и наоборот - возрождение нации начинается с семьи. Вот что пишет по этому поводу украинский социолог Ю.М.Якубова:

Украинская нация должна сохранить себя в семье. Дом, семья, труд, высокая духовная культура и гражданская зрелость украинского народа призваны обеспечить ему высокий уровень жизни, а Украине - независимость, экономическую и политическую стабильность, нерушимость границ (!) и высокий международный авторитет (!). Никто не построит для украинцев государства и не создаст материальных условий, если семья будет морально и материально дезорганизована. Семья должна стать основой и символом духовного и экономического возрождения, целью многогранной гуманистической деятельности украинского государства. (Якубова 1998, 35)

Если именно в семье происходит передача детям национальных традиций, прививается любовь к родному языку и культуре, то ведущая роль в формировании национальной идентичности нового поколения принадлежит матери. В отличие от российского неотрадиционалистского дискурса, где подчеркивается женская функция биологического воспроизводства нации, украинская женщина призвана обеспечить прежде всего ее символическое воспроизводство. И даже биологическая функция порождения жизни обретает особую символическую роль в украинском культурном контексте. Образ Украины - "пышнотелой крестьянки в венке", "живучей" и "плодовитой" - образ тела-земли, матери-природы, порождающей и питающей и человека, и животных - формируется, по мнению Ирины Грабовской, еще в 16 веке. "И на этом теле-земле вырастает другое тело - народ, который не способен взлелеять и сохранить собственную "голову" - т.е. элиту; "народ, который существует как трава из поколения в поколение". (Грабовська 2000, 102) Символ материнства как вечного возрождения жизни, физического сохранения нации, единственной надежды на выживание в условиях культурного и политического гнета отражает исторические реалии колониальной Украины, ее статус нации-жертвы, неспособной отстоять свою государственность. Сегодня фигура Матери символизирует духовную консолидацию общества вокруг "вечных" ценностей национальной культуры, традиций и языка, преемственность поколений, надежду на выживание и будущее нации.

ДЕМОГРАФИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

Связь между политикой семьи, женской репродуктивной функцией и идеологией национализма на Украине может быть продемонстрирована на примере демографического дискурса. В западной феминистской литературе связь между национализмом и демографической политикой была проанализирована в работе Ниры Ювал-Дэвис "Гендер и нация". (Yuval-Davis 1997) Она выделяет три типа доминирующего дискурса, определяющего националистическую демографическую политику: дискурс, который может быть назван "народ как сила", евгенический дискурс и мальтузианский дискурс. Первый тип дискурса - "народ как сила" - определяет политику практически всех национальных государств и касается главным образом государствообразующей нации. В рамках этого типа дискурса будущее нации зависит от ее непрерывного количественного роста. В странах, основанных эмигрантами, определенная критическая масса населения считалась необходимой для создания нации (Австралия, Израиль), и государство поощряло эмиграцию (всегда на основе этнически и расово дифференцированного подхода). Однако в большинстве случаев ответственность за прирост населения возлагается на женщин "коренной" национальности, государственная политика направлена на активизацию их репродуктивного поведения. Националистические правительства проводят как правило активную пронаталистскую политику. Примерами являются политика фашистской Германии, "демографическая гонка" израильтян и палестинцев, и совсем свежий пример - этнический конфликт в Косово.

Второй тип дискурса - евгенический - акцентирует внимание не на размерах нации, а на ее качестве. Конечно, беспокойство о качестве нации лежит в основе широкого круга политических подходов. Например, тревогой о снижении качества нации обосновывается необходимость совершенствования системы здравоохранения или улучшения питания детей. Однако евгенический дискурс связывает качество нации с селективным зачатием и деторождением, он предполагает вмешательство в репродуктивные процессы с целью появления на свет только "желательных для

общества" детей. Наиболее типичным примером является принудительная стерилизация людей с ментальными дефектами, вызванными наследственными заболеваниями или алкоголизмом, но нередки случаи такого рода политики и на расовой или этнической основе. Современный евгенический дискурс оперирует понятиями "генофонда нации", "генетического потенциала", от которого зависит здоровье и будущее последующих поколений нации.

Наконец, третий тип дискурса - мальтузианский - связан с политикой ограничения рождаемости с целью снижения темпов прироста населения и наиболее характерен для развивающихся стран. Ограничение рождаемости рассматривается в некоторых из этих стран как основная стратегия решения экономических и социальных проблем. Однако мальтузианский дискурс часто работает на руку националистам в отношении этнических меньшинств, он служит рационализации опасений, связанных с неконтролируемым ростом их численности и нарушением сложившегося "этнического баланса" в государстве.

Неудивительно, что с провозглашением Украиной независимости и началом строительства национального государства началось переосмысление функций демографической науки и ее роли в обществе. Воссоздание демографической науки на Украине, свободной от наследия "советской демографии, ангажированной военно-экономическим тоталитаризмом", мыслится некоторыми авторами на новой ценностной основе "государственно-национального солидаризма". (Піскунов 1997, 60) Национальная форма демовоспроизводства является определяющей: "развитие национальной солидарности украинцев станет активным фактором усиления межнациональной солидарности на просторах Украины" (Піскунов 1997, 63). Такой подход имплицитно определяет отношение украинской демографии к изменениям в этническом балансе населения, к иммиграции на Украину, к межнациональным бракам.

Так, одобрение демографов вызывает начавшееся в 1991-93 годах изменение этнического баланса населения в пользу украинцев, даже несмотря на то, что оно является главным образом результатом эмиграции из Украины представителей других национальностей. О.Чирков и И.Винниченко с удовлетворением отмечают:

Экономический кризис на Украине привел к одному позитивному результату - начавшемуся преобладанию численности русских эмигрантов над русскими иммигрантами. Начал снижаться и удельный вес белорусов. Продолжается уменьшение доли евреев, поляков, чехов, словаков, греков, караимов, крымчаков и других этнических меньшинств". (Чирков \ Винниченко 2000, 120)

В соответствии с заключением авторов:

При условии сохранения существующей сегодня тенденции в будущем Украина будет двигаться к этнической структуре населения с большим количеством малочисленных (в сравнении с украинцами) меньшинств и одним большим, до 10% численности населения (русские). Такие изменения этнической структуры населения страны, безусловно, будут способствовать процессу национальной консолидации. (Чирков \ Винниченко 2000, 122)

В целом негативную оценку в рамках господствующего демографического дискурса получает иммиграция на Украину, которая включает репатриацию депортированных в советское время народов, а также беженцев и транзитных мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Незарегистрированная иммиграция из стран Африки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока представляет особую угрозу для санитарно-эпидемиологической, криминогенной ситуации и даже для безопасности государства в целом. "Геополитическое положение Украины и "прозрачность" ее границ, особенно со странами СНГ, содействуют превращению ее в своеобразную "стартовую площадку" для мигрантов из стран "третьего мира", которые пытаются нелегально перейти ее границу и попасть в Западную Европу, и "отстойник" для тех, кто после неудачных попыток оседает на территории Украины". (Левчук 1997, 17) Однако, по мнению автора, существует еще одна проблема: "учитывая существующую депопуляцию, не скрывает ли в себе интенсивный процесс афро-азиатской иммиграции в отдаленной перспективе определенную опасность для самого существования украинского народа?"

Связь демографии с национальной мифологией видна также на примере оценки сложившегося демографического баланса между городом и селом. Демографическая ситуация в селе вызывает беспокойство специалистов не только в силу своей особой сложности, но еще и потому, что село играет особую роль в украинской национальной мифологии:

Именно село было базой воспроизводства украинского населения ("людности"), а аграрный сектор - определяющий среди экономических структур нашей страны. Однако долгосрочная политика нашего государства исходила из преувеличенного значения городского образа жизни и недостаточного

внимания к проблемам крестьянства. Вследствие неравноценности жизненных условий городского и сельского населения, неразвитости производственной и социальной инфраструктур в селе происходила интенсивная миграция сельских жителей в города, постепенно размывался традиционный украинский менталитет и утрачивал свое значение идеал многодетной сельской семьи. (Левчук 1997, 8)

Согласно украинскому национальному мифу, именно село, сельское население, сельские семьи являются носителями аутентичной украинской идентичности, национальных традиций, религиозных ценностей, языка. Поэтому отток сельского населения в города, экономический кризис в сельском хозяйстве, социальный и культурный упадок села подорвали не только экономический и демографический - но тем самым и духовный потенциал украинской нации.

Дискурс, который Ювал-Дэвис назвала "народ как сила", является в украинской демографии доминирующим. Как и в России, снижение рождаемости и депопуляция рассматриваются как важнейшие проблемы, определяющие будущее нации. Экономические и социальные последствия депопуляции - это ухудшение ситуации на рынке труда, старение населения и возрастание нагрузки на пенсионную систему. Некоторые специалисты указывают, что главной целью политики в этой области должно стать не стимулирование рождаемости и повышение ее уровня, а "замедление дальнейшего падения интенсивности детородной деятельности населения Украины", "обеспечение хотя бы на минимальном уровне качества питания и содержания тех, кто рождается или уже родился." (Стешенко, Піскунов 1996, 22) Другие более категорично настаивают на "всемерном стимулировании населения к деторождению." (Пірожков, Лакіза-Сачук, Запатріна 1995, 30) Однако их объединяет общая исходная посылка: выживание нации и ее будущее процветание связаны с преодолением демографического кризиса и повышением рождаемости, оценки расходятся относительно имеющихся для этого возможностей и ресурсов.

Однако, как видно из приведенных примеров, на Украине дискурс "народ как сила" имеет и другую сторону. Речь идет не просто о снижении численности населения Украины, а о более серьезной угрозе - "национальном вырождении", "размывании" украинского этноса. Вырождение нации является результатом колониальной политики советского государства. "Массовое переселение русских и русскоязычных представителей других народов на Украину, языковая русификация украинцев, слабое развитие профессиональной украинской культуры, утрата украинцами в отдельных районах эндогамии, целенаправленная идеологическая обработка населения, особенно детей и молодежи, с откровенным очернением истории Украины и привитием украинской молодежи комплексов неполноценности, отсталости, архаичности, бесперспективности и непрестижности всего украинского - все это подготовило подходящую почву для окончательного и бесповоротного обрусения в недалеком будущем". (Чирков, Вінниченко 2000, 119) Поэтому, несмотря на возрастание доли украинцев в этническом составе населения, ситуация в "этнодемографической сфере" остается критической: "украинская этничность продолжает утрачивать свой вес на Украине" (Чирков, Вінниченко 2000, 122).

Проявления евгенического дискурса также можно обнаружить в работах современных украинских демографов. Проблема "сохранения генофонда" украинской нации связана, прежде всего, со снижением показателей здоровья населения. "О ее актуальности свидетельствует повышение доли врожденной и наследственной патологии в структуре заболеваемости и смертности новорожденных, возрастание бесплодия, сокращение детородного контингента и общее старение населения." (Левчук 1997, 15) Рост, алкоголизма, наркомании, распространение СПИДа и других социальных болезней приводит к ухудшению генетического потенциала и позволяет говорить о перспективах физического вырождения нации (автор статьи ссылается на "мнение ученых", согласно которому популяция, генетически испорченная на 30%, обречена на вырождение). Однако "вырождение" связано также с интеллектуальным обеднением генофонда украинского народа. Поскольку преобладающим типом становится однодетная и бездетная семья, "с уменьшением общего количества новорожденных автоматически снижается вероятность рождения одаренных детей" (Левчук 1997, 15). Отсюда следует, что рост рождаемости видится как один из основных способов решения проблемы не только количества, но качества населения.

Псевдонаучный евгенический дискурс, переносящий закономерности развития биологической популяции на человеческое общество, является частью идеологии национализма. Как с одобрением отмечает Н.Левчук,

еще в 20-х годах нынешнего столетия академик С.Рудницкий обосновал необходимость не только квантитативной..., но и квалитативной политики, которая должна быть направлена на рождение "генетически здоровых и расово полноценных лиц", и должна была опираться на достижения национальной биологии (евгеники). (Левчук 1997, 15)

Согласно С.Рудницкому, "национальная биология и биологическая политика должны идти если не впереди национальной экономики и экономической политики, то хотя бы в паре, обладая равным весом и ценностью". (Левчук 1997, 15) По-видимому, националистический дискурс, рассматривающий нацию как единый организм, "здоровье" которого вызывает беспокойство, предполагает и его "лечение". Поэтому меры, продиктованные заботой о здоровье будущих поколений (развитие медико-генетических служб и системы генетического мониторинга, требования предварительного медицинского обследования пары, намеревающейся вступить в брак) отнюдь не являются политически нейтральными, и могут быть использованы властью как средство контроля за "качеством" нации.

Мальтузианский дискурс на Украине в последнее время находит проявление в отношении крымских татар. В литературе все чаще выражается опасение по поводу возрастания их численности не только вследствие репатриации, но и в силу их активного репродуктивного поведения, обусловленного национальными и религиозными традициями. Высокая рождаемость в семьях крымских татар может привести в будущем к изменению этнического баланса в Крыму и на Украине в целом. Эти опасения подкрепляются как высокой степенью заселенности Крыма и возрастающей антропогенной нагрузкой на окружающую среду, так и опасностью политической дестабилизации в регионе. Как пишет Н.Левчук,

возрастающая численность крымских татар и связанный с этим процесс постепенной этно-социальной модификации структуры населения Крыма будет влиять на динамику политической жизни в целом. От того, насколько удачными окажутся интеграция крымских татар в украинское общество, их социальная адаптация, зависит, какую электоральную нишу в перспективе они займут. (Левчук 2000, 111)

Так или иначе, в современной демографической литературе воспроизводственная функция женщин, принадлежащих как к "коренной" национальности, так и к этническим и языковым меньшинствам, рассматривается не только с точки зрения роста численности населения, но и как фактор национальной консолидации украинского общества на этнической основе.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И РЕНЕССАНС НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Женское движение на Украине, в отличие от российского, в первую очередь идентифицирует себя с задачами национального возрождения и создания независимого государства в качестве первейшей и необходимой предпосылки защиты женских прав и интересов. Его идеология в значительной степени проникнута идеями национализма, и поэтому охотно использует рассмотренные выше схемы: семья как основа возрождения нации, решающая роль женщины в сохранении украинской культуры и воспроизводстве украинского этноса, в духовной консолидации общества. В итоге женское движение, как правило, видит свою роль в первую очередь в содействии национальной консолидации, а не в защите женских прав. По словам одной из делегатов Всеукраинского женского конгресса,

нормальное положение женщины возможно только в нормальном стабильном государстве. Поэтому все наши силы должны быть в первую очередь направлены на укрепление государственности Украины. Политическая неоднородность и расслоение украинского общества не содействуют государству образующим процессам... Роль женщины в консолидации украинского общества могла бы быть решающей. И если украинские женщины не способны объединиться вокруг национальной или государственной идеи, то может быть, они объединятся вокруг идеи счастливой семьи, здоровья детей. (Жінка на порозі XXI... 1998, 97)

Не случайно приобрело популярность оброненное кем-то выражение "гендерна злагода" (гендерное согласие, мир), оно подчеркивает установку на бесконфликтный характер женского движения, вернее, на отсутствие конфликтов между двумя "гендерами". Более важной задачей, с точки зрения многих представительниц женского движения, является совместное противостояние угрозе "национального вырождения", "исчезновения украинского этноса" или утраты государственной независимости. Поэтому "традиционно крепкая" украинская семья должна обеспечить национальную консолидацию, а не раскол по гендерному признаку.

Ориентация на семью и традиционные гендерные роли - первое, что обращает на себя внимание в материалах женских конференций и публикациях многих женских организаций. Так, на всеукраинском конгрессе женщин в 1998 году одна из делегатов заявила:

Во все века на Украине считалось наибольшим грехом - убить ребенка в своей утробе, самой тяжелой Божьей карой - не иметь собственных детей, непрощаемой виной - бросить ребенка, забыть старых родителей, не уважать отца своих детей. (Жінка на порозі XXI... 1998, 39-40)

Интересы женщины рассматриваются главным образом и прежде всего как интересы ее семьи, ее детей. Профессиональная самореализация, конечно, не отвергаются в принципе, однако подразумевается ее подчиненный и производный от семьи и материнства статус. Вот еще один пример такого рода риторики:

Сама природа возложила на женщину ответственность за будущее человеческого рода. Рождение и воспитание детей - это высшая цель и смысл ее жизни. Может быть поэтому женщина до определенного времени была равнодушна к политике, заботясь об уюте и согласии в семье. Но когда этим ценностям что-то угрожает, она должна стать активным участником политической жизни, поскольку ответственность за детей - это ответственность за общество, его настоящее и будущее. (Жінка на порозі XXI... 1998, 36)

Согласно этой просемейной логике, профессиональная деятельность, участие в политике и в бизнесе, хотя и по силам женщине, однако имеют для нее смысл только "ради детей" (в узком смысле - ради благополучия собственной семьи, в широком - ради будущих поколений). Эти социальные роли оказываются производными от основной и изначальной роли - материнской, а альтруизм (в противоположность мужскому эгоизму) рассматривается как главный побудительный мотив социальной и политической активности.

Таким образом, представления о роли женщины не только в семье, но и вне ее, строятся на основе традиционной дихотомии мужского и женского предназначения - обусловленного если не биологически, то социокультурно. По словам М. Драч, возглавляющей международную организацию "*Жіноча громада*", в современном обществе женщине предназначена особая и крайне важная функция - функция гуманизации социальных отношений:

Именно женщина в украинском обществе лучше всего подготовлена к исполнению гуманистической функции как благодаря национальной традиции (как берегиня семьи и жизни), так и благодаря социально-историческим реалиям (сегодня украинская женщина имеет значительно более высокий образовательный уровень, чем представители сильного пола). (Жінка на порозі XXI... 1998, 62)

Эти особенности женщины, хотя и названы социокультурными, в действительности являются производными от биологической функции материнства:

Женщины более гибкие, они легче адаптируются к проблемам и трудностям, связанным с особенностями переходного периода, отмеченного высоким уровнем криминализации. Поэтому они способны взять на себя бремя воспитания детей, формирования общественных ценностей и представлений о добре и зле как раз тогда, когда устоявшиеся демократические нормы и традиционные ценности исчерпали себя или оказались неэффективными в условиях жестокой конкуренции и борьбы за выживание. (Жінка на порозі XXI... 1998, 62)

То, что украинское женское движение пытается ввести семейную проблематику в пространство политического дискурса - вполне закономерное явление. Сомнения вызывает скорее политический язык, который используется современным женским движением на Украине. Он практически не отличается от языка других политических партий, также активно использующих популистскую апелляцию к "интересам семьи" и "защите материнства". В своем нынешнем виде украинское женское движение рискует превратиться в статиста, используемого в политической игре различными силами, которые умело манипулируют социальной неудовлетворенностью женской части населения. Примером может служить недавно созданный под патронатом жены Президента Украины предвыборный блок "Женщины за будущее", для чего на местах активно использовался административный ресурс.

Идеология женского движения объединяет неотрадиционализм и неофамилизм с мифом о "сильной" украинской женщине, ее особой природе. В современном политическом дискурсе не случайно активно используется миф об украинском матриархате, в соответствии с которым в прошлом "женщины традиционно играли важные социальные и экономические роли и обладали "равенством в различии" (Rubchak 1996, 315-316), но впоследствии это историческое преимущество украинской нации было утрачено, в том числе под влиянием российской колонизации. Посредством обращения к мифу о "матриархатном характере украинской культуры" украинские женщины репрезентируются как "другие", отличные от западных. Они преданы семье и привержены своим традиционным ролям жены и матери, но в случае необходимости способны взять на себя

ответственность за судьбу нации, они не видят в мужчинах своих врагов и не зафиксированы на "эгоистических" женских интересах. Репрезентация украинской женщины, "сильной" по самой своей природе, исключает феминистский дискурс "дискриминации" и "защиты прав".

Дискуссии об "украинском матриархате", "особом характере" украинских женщин и высоком социальном статусе материнства приобретают особое значение в контексте проблем и противоречий формирования национальной идентичности. С помощью мифа о матриархате украинская женщина репрезентирована в современном политическом дискурсе как "другая", отличная от западной, благодаря своему "природному" альтруизму, преданности, прежде всего интересам семьи и нации. С другой стороны, украинская женщина представлена одновременно как "традиционно" более свободная в публичной и частной сфере, менее ограниченная патриархальными нормами и институтами по сравнению с российской женщиной. Таким образом, образ Украины как нации "исторически" высоко оценивающей женщину, семью и материнство противопоставляется "патриархальной" империалистической России. Следовательно, деколонизация украинской культуры и строительство независимого национального государства в первую очередь отвечает интересам женщин. Это создает, хотя и на иной, националистической основе, политический альянс женщины и государства, подобный тому, который лежал в основе советской гендерной политики. По словам Алены Пашко, главы Союза Украинок:

Сегодня украинская женщина нуждается во внимании и всесторонней помощи со стороны государства, но и государство нуждается в серьезной помощи со стороны женщины-патриотки, которая всегда была воплощением духовности, моральности, свободолюбия, берегиней национального сознания и семейного очага. (Жінка на порозі XXI... 1998, 114)

Конечно, дискурс "прав женщин", "дискриминации" и "насилия в отношении женщин" все больше проникает в современное женское движение и даже в государственную семейную политику. Важнейшим толчком к этому стала Четвертая Всемирная конференция ООН по проблемам женщин, проходившая в 1995 году в Пекине. Она активизировала появление и развитие женских организаций, акцентирующих проблемы прав женщин и гендерного равенства, содействовала появлению нового "феминистского" политического языка. Кроме того, украинское государство, связанное международными обязательствами, оказалось вынужденным проводить мониторинг социально-экономического и политического положения женщин, привлекать женские организации к сотрудничеству в области разработки соответствующих программ и подготовки национальных докладов и отчетов. В результате в 1997 году Кабинетом Министров Украины был утвержден "Национальный план действий на 1997-2000 годы по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе". Значительным шагом вперед стало также признание важности гендерной экспертизы украинского законодательства. В марте 1999 года Верховной Радой Украины была принята "Декларация об общих основах государственной политики Украины в отношении семьи и женщин". Декларируя приверженность принципу равноправия мужчин и женщин, ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и привлечения женщин к разработке и принятию экономических, политических, социальных и правовых решений на всех уровнях, Декларация в то же время подчеркивает приоритет статуса семьи и ее прав, необходимость ее укрепления, социальную значимость института материнства.

Как оказалось, неофашизм в женском движении вполне способен ужиться с гендерной риторикой. В приветственной речи президента Л. Кучмы, обращенных к участницам Всеукраинского женского конгресса отмечалось: "от реализации задач (в области защиты прав и интересов женщин - Т.Ж.) в значительной степени зависит вхождение Украины в семью демократических и цивилизованных стран" (Жінка на порозі XXI... 1998, 114). Интеграция Украины в европейское сообщество в качестве независимого национального государства, заимствование западных институтов рынка и демократии предполагает принятие хотя бы элементов современной либерально-демократической идеологии, в том числе "прав женщин". И гендерная риторика, и "укрепление семьи" подчинены в современном женском движении в лучшем случае задачам национального строительства, а в худшем - политической конъюнктуре и интересам правящей элиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, строительство национального государства, внедрение институтов демократии и свободного рынка неизбежно требует изменения статуса семьи и ее социальной роли. Из социалистической "ячейки общества", выполняющей в основном функциональную роль, она

превращается в символ национального возрождения, преемственности поколений, экономического и культурного процветания Украины. "Традиционно крепкая украинская семья" репрезентирует приверженность национальной традиции и ценностям солидарности, но также равенство, свободный выбор и уважение к правам человека, подтверждая оправданность исторического выбора в пользу независимости и демократии. На этом фоне возрастающее влияние дискурса "прав женщин" и гендерного равенства служит подтверждению европейского имиджа украинского государства и его открытости принципам "глобального феминизма" Запада. В то же время эти принципы с легкостью инструментализируются в украинском контексте для обслуживания целей "национальной консолидации".